

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Ожог. Часть 3. Откровения.

Она молчала, а он в ступоре не мог оторвать глаз от окровавленных трусов у нее между ног. Дикая мысль пронеслась в его голове, одна другой невероятнее. Наконец, он выдавил:

— Пойдем, подмоешься.

Улыбка на ее лице превратилась в гримасу.

— Да из меня течет, — тихо проговорила она.

— Что именно? — он старался выглядеть спокойным.

— Жидкость какая-то, — прошептала она, и нервно засмеялась.

— Пойдем-же, — ему пришлось чуть ли не силком вести ее в ванную. Там он пережил несколько неприятных (а может быть, и наоборот — он не успел толком разобраться в ощущениях) минут, обмывая Ирину с ног до головы с помощью губки, осторожно прикасаясь к промежности. Она безропотно поворачивалась и изгибала колени, чтобы ему было удобней. Это напоминало сцену купания ребенка.

Кровавый поток иссяк. Мокрая, подрагивая от холода и ежась, она переступала ногами по полу. Он набросил на нее полотенце, отвел в зал, и приказал вытираться самой. Затем вернулся, и старательно вымыл ванну, кафель, умывальник, старательно замывая следы. Насколько мог, привел в порядок диван и ковер. Это была серьезная работа, и он даже запыхался.

— Больно? — спросил он, в последний раз выжимая половую тряпку.

— Немножко.

Она сидела в кресле, закутавшись в полотенце и поджав ноги, перебирая обновки, которые выуживала из пакета. Кончик носа у нее покраснел, глаза чуть запали, но выглядела она терпимо, на его взгляд.

— Может, чаю сделаешь? — сердито сказал он. На самом деле он был безумно рад, что с ней все в порядке.

— Пристал со своим чаем, — спокойно сказала она, — я бы лучше водки выпила. А вообще, мне домой пора.

Его охватила усталость. — Ладно, черт с ним, с чаем.

Он отнес ведро и тряпки в туалет. Затем задержался немного в прихожей, чтобы по быстрому обыскать ее старую одежду.

Вернулся он слегка озадаченным, и присел у ее ног.

— Еще разок?

— Что?!

Ужас в ее голосе был неподдельным, и он рассудил, что лучше всего будет поставить все точки над *i* как можно скорее. В частности, один вопрос волновал его довольно серьезно.

— Пошутил, — хмыкнул он. — Знаешь, ты мне показалась такой бедненькой девочкой...

Она искоса взглянула на него.

— В смысле?

Ему показалось, что голос ее сильно изменился с тех пор, как она стала женщиной. Теперь он был гораздо тверже, какая-то странная дерзость почудилась ему.

— Бедная, бедная девочка...

— Просто нищая, — вздохнула она.

И встала, отбросив полотенце. На ней уже красовался новенький бюстгалтер розоватых тонов с чудными рюшками, и прозрачно-черные трусики. «Когда же она успела?» — вяло промелькнуло у него в голове.

Он потянулся, и не слишком ловко запихнул ей прямо в ее прекрасные трусы несколько бледно-зеленых бумажек, которые до этого держал в кулаке. Она остолбенела.

— Что это?

— Триста баксов, — объяснил он. — Два по полтиннику, и два по сотне.

Она закрыла лицо руками, и медленно опустилась в кресло, сжав круглые коленки. Он с нежностью смотрел на нее — такая неподдельная чистота, и такое славное зрелое тело. А в общем все это напоминало дешевую киношку.

— Расскажи мне что-нибудь, милая.

— У меня имя есть, — огрызнулась она. — Здоров ты по чужим карманам...

Он молчал.

— Что ты от меня хочешь? — вдруг закричала она. — Трахнул меня, как последнюю шлюху, да? Еще издеваешься? — она всхлипнула. — Сволочь...

— Почему «как»? — искренне удивился он. — Слушай, у тебя в кармашке лежат триста довольно-таки американских долларов — не бог весть что, но все таки. По нашим временам, годовая зарплата участкового врача. Или ты в цифрах не разбираешься? Разыгрываешь такую, понимаешь, несчастную... — он вспомнил, с какой жадностью она вгрызалась в гамбургер, и его разобрал смехок.

— А тебе-то что? — сердито буркнула она.

— Мне без разницы, — сказал он. — Просто неудобно как-то. Может, ты фокусы какие научилась делать... «каждый раз девочка», знаешь? А я простой такой, за чистую монету все принимаю.

— Фокусы? — взвилась она. — Ну ты и сволочь все-таки! Я тут чуть не умерла под тобой!

— Надо мной, — поправил он. — Это другая позиция. Так уж мне захотелось. Я ведь плачу, правильно?

Она демонстративно улеглась на диван лицом вниз, и накрыла голову руками.

— Устраиваю тебя на работу, — спокойно продолжал он. — Отвечаю за тебя, понимаешь ли. Расскажи мне одно — откуда у тебя деньги, и как ты их заработала. И все. — Он нагнулся над ней, и погладил по спине. — Ничего ведь страшного не случится.

— Может, и случится, — глухо пробурчала она. — Откуда тебе знать...

— И еще, — сказал он, — кое-что. Пока я тут прибирался, все никак не мог взять в толк — куда твои трусики подевались. Красненькие такие, помнишь?

Она промолчала.

— Куда ты их спрятала, под диван? А?...

Он продолжал поглаживать ее по спине, и почувствовал, как она задрожала. Затем раздался взрыв.

Она плакала надрывно, подвивая, а он все гладил худые лопатки, нежную, обтянутую черным шелком попу, подрагивающие округлые бедра, с удивлением ощущая вновь пробуждающееся желание. Она заводила его так, как никто — и это его пугало. Маленькая плачущая женщина с привкусом скверны.

Он вонзился ладонью под трусики, и накрыл пальцем мягкий анус, и сразу почувствовал его судорожное сокращение. Наклонился, и тихо сказал ей в ухо:

— Я хочу взять тебя в попу. Можно?

Плач прекратился. Она все продолжала трястись, но без прежней ярости. Наконец, он услышал:

— Черта с два у тебя получится.

— Ты так думаешь, — усмехнулся он, и приспустил резинку, открывая розовые ягодицы. Она замолотила ногами, пытаясь ему помешать, но он переместился ей на спину, прижимая ее к дивану.

Она захрипела.

— Не надо! Пожалуйста!... Володя...

— Расскажешь? — негромко спросил он, с треском сдирая узкую полоску ткани вниз.

— Да! Да!... — ее тело билось под ним, словно в агонии. — Отпусти, слышишь!!

— Ладно.

Он слез с нее, и она моментально перевернулась на спину.

Глаза ее были полны слез — и горя. Она тяжело дышала.

Он молча ждал.

— Я не трахалась, — выдавила она. — Ты что, не понял, что я еще не с кем? Ну, кроме тебя...

Он пожал плечами.

— Допустим.

Она чуть-чуть приподнялась, возвращая трусы назад. Светловолосый треугольник мелькнул, и снова исчез. Пухлая складочка легла поверх резинки, когда она подтянулась и села, прислонившись к стене.

— Я их не хотела тратить.

— Триста баксов? — уточнил он.

— Ну да. Я копить собиралась. Чтобы уехать... ну... к Светке, в общем.

— Какой Светке?

— Я же говорила... Ой, соврала тогда, наверное.

— Наверное, — ухмыльнулся он. — Думаешь, сильно поверил?

Она подтянула коленки к подбородку, и охватила их руками.

— Как я сказала — Бэлла? Ее Света зовут, фамилия — Брайман.

В голове у него зазвенел звоночек. Любуясь чистой линией ее ступни, он по инерции спросил:

— Не врешь?

Она горестно покачала головой. — Я уже решила... все тебе все расскажу. Делай что хочешь. Не убьешь ведь...

— Да жалко вроде, — с нежностью буркнул он. — Еще хочется...

Ее явственно передернуло.

— Бог ты мой! Следующего раза не перенесу... В общем, Светка мне о тебе написала.

— Откуда?

— Из Израиля. Она там уже полгода живет.

— Щель обетованная... — пробурчал он. — Ну-ну.

— Она мне сказала, что ты... в общем... один из самых богатых в городе.

— Соврала, допустим...

— Не знаю, я не проверяла, — она криво усмехнулась. — Дала мне все твои координаты... адрес, телефон, как жену зовут...

— Ловко... — пробормотал он. — Значит, шантаж?

Она промолчала.

— Ну, знаешь ли... — тихо сказал он. Кровь бросилась ему в голову. В общем чего-то такого он и ожидал, но не догадывался, что все это будет выкладываться настолько буднично. — Продолжай, девочка.

— А чего ты хотел, — тихо отозвалась она.

«Действительно, что ты ожидал, растлитель...»

— Я знал одного Браймана, — вспомнил он. — Обувный склад. Он ведь влетел, кажется?

— Поэтому они и убрались... — кивнула она головой. — На них наехали по-крупному. Отцу все зубы повыбивали. Светке сломали руку — она ее в Хайфе долечивала... — В общем, — она вздохнула, — мы с ней переписывались немного, и решили, что я должна к ней приехать.

— Помочь с рукой?

— Нет, — она вздохнула, — насовсем. Понимаешь? Денег у меня нет. У матери тоже. И Светка придумала план.

Тут она замялась. — Ты не рассердишься, а?

— Посмотрим... — если в его голосе и звучала легкая угроза, то Ирина ее не заметила.

— Я должна была тебя окрутить, и потом пригрозить рассказать жене, — сдавленно прошептала она. — Но у меня не получалось. Ну, то есть, я боялась попробовать... Я по разному тебя высматривала... подкатывалась. Одевалась поярче... в магазинах с тобой сталкивалась...

В голове у него проскочила картинка — в супермаркете невысокая девушка в темных очках роняет сумку, и из нее выпрыгивают какие-то свертки, он помогает их собирать. Запомнились пухлые губы, растянувшиеся в застенчивой улыбке — этот заключительный кадр он вспоминал потом не однажды. Было еще, но ему не хотелось об этом думать.

— Тогда я попробовала по другому... это тоже Светка посоветовала... про нищенку. Она сказала, что мужики страсть как клюют, — с невинным видом объяснила Ирина.

— Какую руку этой Светке сломали, не помнишь?

— Левую, кажется... — она наморщила лобик, сосредоточившись, — да, точно — левую. Она ведь всегда правой писала...

— Придется на время завязать с писаниной, — хмыкнул он. — Будет полезно ей сломать другую ручонку. Как считаешь?

Она отчаянно помотала головой, — Ты что... ты же не бандит в конце концов... Ты что, сердишься?...

— Я?? — он невесело засмеялся. — Что ты, без проблем. Шантажируй на здоровье. Жена немножко погрустит, но денег ты у нее не получишь. Она у меня жадная, как таксист. — Он помолчал. — Вот разве что в тюрьму мне как-то не хочется... ты ведь малютка еще — так? Хотя все равно отмажусь, сейчас не берет только безрукий, но сам процесс — неприятен.

Извини, — вздохнула она. — Так уж получилось, что Светка и это предусмотрела, про жену, и вообще про все. Она мне объяснила, что и как.

— А именно?

— Трусики в крови, раз. Я уже не девочка — свежие разрывы — два. Может, синяки еще будут — это тоже полезно, — деловито перечислила Ирина. — К прокурору, и в газеты — это обязательно... — поэтому просто не отмажешься. Мы все обдумали... — спокойно говорила она, а он медленно потел от ужаса, представляя в красках, как завертится это колесо.

— Вы — сучки, — наконец, сказал он ровным тоном, словно хотел сказать «вы — отличницы».

Она молчала.

— Ну, а дальше? — выдавил он.

— Двадцать тысяч долларов, — быстро отозвалась Ирина. Она закрыла глаза, словно прислушиваясь к себе. — Половину мне, половину Светке. — Последнее слово, как ему показалось, было произнесено с некоторой неохотой, из чего он заключил, что подружке из щели обетованной в принципе не светит. Эта девочка была себе на уме. Девочка-сучка. Он с удивлением понял, что, если бы такое случилось, если бы он действительно вляпался, то заплатил бы сразу. Немедленно. Еще бы и радовался, как безумец, что дешево отделался. Вставал резонный вопрос. Сейчас, в настоящий момент, он отделался или еще нет? Или следует ждать интересного продолжения?!

— Лучше уж убить, — чуть не сказал он вслух, но вовремя опомнился. Убийство? Конечно, нет. Хотя это обошлось бы дешевле... Мысли его выстроились по ранжиру, и самая первая, жирная мыслишка вырвалась вперед.

— Кстати, о деньгах.

Она вопросительно на него посмотрела. Красивая все-таки, подумал он с содроганием.

— История чудная, конечно, про шантаж и прочее. Но все-таки, откуда деньги? — он кивнул на все еще торчащие из черных трусиков бумажки.

Она странно заморгала, словно в глаз попала соринка. Потом тяжело вздохнула.

— Тебе не понравится.

— Я слушаю, — безжалостно сказал он.

— Ну и слушай, — с горечью буркнула она. — Как-то я гуляла по набережной... в другом прикиде, не в этом. Думала про всю эту... этот... ну, про тебя в общем. — Она сделала паузу.

— Дальше, — потребовал он.

— Ну, подъезжает машина. Близко-близко. Не сигналит, ничего такого. Просто едет рядом. Я остановилась, и она остановилась. Я дальше пошла — и она тоже трогается. Внутри сидит пожилой такой. А машина — иномарка, — застенчиво поправилась она.

Он громко хмыкнул, но ничего не сказал.

Почти шепотом, она продолжила:

— Он мне сразу предложил... это самое. — Нервный смешок.

— Что?

— Ну, это... секс за деньги.

Он ошалело покачал головой.

— А ты?

Она вздохнула.

— Немного повыделывалась. А потом согласилась.

— Вот как, — тупо сказал он.

— Сначала сказала, что не могу. Я, дескать, не трахаюсь. А он говорит — приличный такой старичок — что этого не будет.

Он насторожился.

— Это как?

— Да я сама не поняла. — Она пожала плечами. — Я тоже спросила — а че надо-то? Он говорит — поехали, увидишь. Гарантирую, говорит, джентельменское обращение. Я прикинула — что мне терять? А про деньги он сразу сказал — сто долларов.

Он вскинул голову:

— Так ведь...

— Продолжи, — она тряхнула головой. — Слушай, что дальше... В общем, села к нему. Он один в машине, никого больше не было. Поехали. На квартиру, что-ли — где-то в центральных районах. Он меня завел, посадил в кресло, — как здесь, — она шмыгнула носом, — только крутое такое кресло, кожаное, знаешь?

— Знаю, — нетерпеливо сказал он. — Дальше!

— Дальше что... — она помолчала. — Он переоделся где-то, пришел в халате. Ну, и началось... Разделась перед ним. Он просил — медленно. Ну, я и медленно, как могла. Повернись, говорит — я повернулась. Дай потрогать — ну, трогай, пожалуйста. Он тихонько так щупал меня — везде, ничего не пропустил. Долго это было. Потом сказал, чтобы я легла. Я легла на живот. Он трогал меня, целовал, ноги, пальцы, все, — задумчиво перечисляла она, а он смотрел на ее пальцы на ногах — она чуть шевелила ими, словно оживляя воспоминания. Розовый большой пальчик на скакивал на соседний, как будто боролся с ним.

Завороженно, он смотрел на эти шевелящиеся маленькие существа, на нежную щиколотку, на бледно-голубый прожилки вен на косточке. Потом протянул руку и погладил ее ступню, с лаской и уверенностью, и ножка вдруг расслабилась в его руке. Пальчики замерли, прекратив возню, растопырившись. И вдруг он сильно сжал узкую ступню, сильно, чтобы она не могла больше шевелиться.

Ирина ничего не сказала на это, только вздохнула. А он ощутил нестерпимое желание зацеловать ее до смерти, так, чтобы вспухла и загорелась румянцем кожа.

— ... тогда он сказал, что даст еще, если я так сделаю.

Он очнулся:

— Что сделаю?

— Полижу у него там, — тихо ответила она.

— Где? — спросил он. Его голос был напряжен.

— В попе.

— Что??

— Я же говорила, что тебе не понравится, — почти шопотом проговорила она.

— И ты...

Она кивнула.

— Один раз. Только один раз, — извиняющимся тоном сказала она. — Я чуть лизнула, там все такое вонючее, волосы и...

— Ты что, оправдываешься?? — кровь бросилась ему в лицо. — Мама родная...

Он отрешенно отпустил маленькую ножку, и встал.

— Ты лизала задницу? У этого старика?

Она кивнула:

— Это не так страшно, как оказалось.

— Мама родная... — пробормотал он. — За триста баков...

— За сто, — возразила она.

— А остальные??

— Взяла в рот, — буднично сказала она.

Он чуть не упал.

Со ужасом он всматривался в ее лицо, невинное, нежное, со следами слез. Покрасневший носик. Пухлые розовые губы, чуть приоткрытые, когда она с легким удивлением смотрела на

него. Наверное, поражалась, чего это он так взвился.

— Я только лизнула с краешку, и взяла в губы, неглубоко, и сразу же выплюнула... Я сказала, что не хочу это делать... а он сказал: «Ну ладно, не надо».

Он вдруг теперь понял, глядя на сидящую на диване полуголую девочку с светлыми растрепанными волосами, с прижатыми к груди коленками, что произошло то, чего он не испытывал много лет. Случилось странное — он влюбился. Влюбился в малолетнюю начинающую проститутку. Шантажистку. Проклятье.

— Встань, — тихо попросил он.

— Это зачем?

— Я сказал, встань, — устало проговорил он.

Она сползла с дивана, неохотно встала на ноги, отбросила прядь со лба. Живот ее подрагивал. Лифчик тесно стягивал небольшие крепкие груди. Пальчики на ногах нервно сжимались и разжимались.

— Ну, — напряженно выдавила она, — что еще?

Он взял ее за руку и притянул к себе.

— Хочу тебя обнять.

И он крепко прижал ее к себе. Его руки гуляли по ее спине, от шеи до ягодиц, пожимая и лаская. Она задрожала в его руках.

— Мне так больно.

Он сжал ее еще сильнее.

— А так?

— Д-да, — почти прохрипела она.

Он посмотрел ей в глаза, продолжая мять ее тело. Сдернув трусики пониже, он вцепился в ее ягодицу, словно в тесто, заставив ее вскрикнуть. Ее тело затрепетало, а он чувствовал ярость, которой не было выхода. Его съедало нестерпимое желание укунить ее. Ударить так, чтобы она заревела, как тогда. Когда он вырвал из нее девственность с корнем, словно больной зуб, а она исходила неистовым криком, содрогаясь и корчась над ним, с толстым членом в своем узком девичьем влагалище.

— Никогда, — тихо проговорил он, — никогда не делай такого, за что бы я захотел тебя убить.

Она оскалилась, как тигрица, тяжело дыша.

— Обещай, — потребовал он.

Она вдруг всхлипнула, бессильно и жалобно, и опустила голову ему на плечо. И он ослабил тиски. Тихо, почти неслышно, до него донеслось:

— Обещаю...

Он повернул ее лицо к себе и поцеловал девушку в мягкие губы.

— А теперь... нам действительно пора уходить.